

А. В. АМФИТЕАТРОВ

Карно по-большевицки

Catulus leonis luda...

Genes XLIX, 9

Се лев, а не собака.

Старинная надпись

1

Прошедший по газетам слух об убийстве Троцкого оказался ошибочным¹. Скорее неожиданным было опровержение, чем было бы убийство. Жизнь этого человека уже давно висит на волоске, к которому простираются ножницы и справа, и слева, и белые, и красные. Я, получив известие в голой форме лаконической телеграммы от одной итальянской газеты, не усомнился было в факте, а задумался только о том, кто постарался убрать Троцкого: приложил ли тут руку какой-либо пылкий «сталинианец», возмечтавший оторвать, в лице Троцкого, голову у «оппозиции», или уничтожили, наконец, шефа «красных дьяволов» террористы контрреволюционных групп действия, плодящихся ныне внутри СССР не по дням, а по часам.

Давно вьется вокруг Троцкого эта выжидательная неопределенность убиения — не знай, с какой стороны.

«— Вчера у красных взбунтовались матросы... Троцкий приехал их усмирять, один матрос, — мне и фамилию его называли, да я позабыл, — Кутырь, что ли, — выхватил револьвер и застрелил Троцкого.

— Да которого?

— Как которого?

— В том-то и дело, что их три, и кто настоящий, никто не знает».

(Диалог беженцев при отступлении армии Юденича в романе П. Н. Краснова «Понять — простить»²).

Этот троеликий оборотень — Лев Давидович Троцкий — был несомненно самой интересною фигурою действенного большевизма,

в период труднейших переживаний этого страшного движения, когда новорожденное чудовище спешно укреплялось, впиваясь в русскую грудь железными когтями, торопясь напитать свои силы русской кровью.

Гораздо более интересно, чем сам Ленин. Этот, до своего конечного помешательства, был не более как плачевным и противным образцом грубого и наглого упрямец-педанта, несчастным капризом судьбы выдвинутого к власти; а после помешательства облек свой педантизм еще и в садизм: состояние, интересное более для психиатра, чем для историка. Ленин был «гениален» в том, что не требует от человека решительно никакого гения, ниже таланта, кроме тупой фанатической злобы: в голом разрушении существующего, без тени способности строить будущее. О Троцком я не скажу этого.

Троцкий тоже разрушитель, но он не лишен дара к «строительству разрушением», о котором когда-то мечтал Бакунин³. Этот положительный дар он проявлял во всех областях управления, какие вверялись ему советским правительством или, будет вернее сказать, какие он захватывал себе в советском правительстве. Наилучшее доказательство его созидательной способности и воли, конечно, организация Красной армии. Она всецело дело рук Троцкого. А так как Красная армия есть единственная реальная величина, созданная десятилетием советской власти (если не считать Че-Ка и ГПУ, уже столь «реальных», что напуганному воображению они представляются фантастически ирреальными сборищами упырей), то можно без страха утверждать, что в лице Троцкого из состава советского правительства выпал единственный государственный творец-строитель первого большевицкого призыва.

Очень давние и малые мои личные воспоминания о Троцком, бедном студенте парижского Латинского квартала, стерлись в памяти: очевидно, впечатления не были сильны. Помнится: был такой невзрачный человек в пенсне, часто выступающий на митингах и сходках революционной эмиграции, довольно ядовито красноречивый, *avec une langue bien*⁴. Но сколько их было подобных! И не припомню, чтобы Троцкий чем-либо выдавался над их множеством. Должно быть, в те далекие времена лицо его не было еще замечательно тем странным и тяжелым, остро-язвительным выражением «проклятием клейменного», за которое

иные из людей, почитающих СССР царством пришедшего в мир Антихриста, именно в Троцком видят живое воплощение Красного Зла.

Это впечатление отразилось в нескольких литературных произведениях. Торжествующим Дьяволом на смотре своей обольщенной глупой армии изобразил Троцкого в весьма сильном рассказе Алексей Толстой чуть не накануне того, как сам «сменил вехи» и принял Антихристову печать. А в вышеупомянутом романе П. Н. Краснова выразительно ярок портрет Троцкого в качестве партийного оратора. Он интересен как верная характеристика и ораторской манеры Троцкого и того фантастического давления на слабые умы и податливые воли, которого он умеет достигать гипнозом своих фраз, всегда очень банальных, но произносимых с натиском сверхчеловеческой самоуверенности.

«Я решил бороться, — рассказывает слушатель Троцкого, противовольный «сменовеховец», генерал Кусков, — стал следить за собой. Бронштейн то наклонялся к столу, опираясь пальцами о него, то взмахивал широким жестом над головами Минина и Апфельбаума. У него речь шла с яркими заголовками, как какая-нибудь сенсационная статья в бульварной газете. Тут были и: — “политический ребус”, и “террор для вовлечения в войну”, и “кто за войну?” и “систематическое описание всего хода событий 6-го и 7-го июля” (неудачного восстания эсеров в Москве).

То тут, то там срывались аплодисменты. Я не поддавался. Я смотрел, как колебалась тень от лохматой головы на красных полосах и звездах, как сверкали стекла его пенсне. Он гипнотизировал меня. Мне казалось временами, что тень стоит неподвижно, а это большая красная звезда колеблется над головою Бронштейна и не знает, где остановиться.

Я ему служил, я ему повиновался.

Старался не слушать его, и слова сами лезли в уши, достигали мозга и казались разумными, верными и неоспоримыми.

Зал разразился громовыми аплодисментами. И я аплодировал. Мои руки ходили вверх и вниз, мое лицо против моей воли расплывалось в широкую улыбку.

Я посмотрел на эстраду. Голова Бронштейна была откинута горделиво назад и рисовалась на фоне пятиконечной звезды. И показалось мне: над его лохматыми волосами поднялись рога и поползли в верхние лучи звезды, широко оттопырились уши

и изогнулся крючком нос. Маленькая бородка удлинилась во весь нижний луч... Странное лицо дьявола самодовольно смотрело из звезды на покорное людское стадо.

Руки мои остановились. Холод страха леденил мое тело. Во власти дьявола я был. Вот почему ни одно покушение на них не удавалось. Бесы стерегут их».

2

Демонический гипнотизер, способный производить такие inferнальные эффекты, Лев Бронштейн поднялся из грязи маленького еврейского местечка, как на то указывает его псевдоним, — не знаю, первый ли он из Бронштейнов Троцкий, или уже во втором поколении. Копаться в его прошлом я не намерен. Оно пестрит и правдою, и легендою. Юность Троцкого была авантюрна и, по молве, некрасива. В ней остались исключение из Киевского университета по приговору товарищей-студентов, вызванному причинами отнюдь не политическими, и подобная же смутная какая-то история в Рижском политехникуме⁵. Если бы не пахло в воздухе начала века революцией, из Троцкого вышел бы, по всей вероятности, один из бесчисленных *chevaliers d'industrie*⁶, какими кишат северо- и юго-западные русско-еврейские города, или, может быть, фокусник, магнетизер, гипнотизер. Но революция и, в зависимости от нее, политическая эмиграция дали тогда многим подобным даровитым и беспринципным силам, чтобы, вместо русла полууголовной авантюры, пойти по руслу авантюры политической. Оно обещало удовлетворение не корыстолюбию (это, конечно, лишь когда-нибудь — вилами на воде писано!), но зато честолюбию — немедленно. Смелый и бойкий говорун, успевший вчитаться в революционную литературу и способный полемически фехтовать ею, легко попадал в «вожаки», или, как тогда стали говорить, в «лидеры». А это положение было весьма не плохое: и кормило, и выдвигало. Эту карьеру прошел и Бронштейн. Женева, Париж, Лондон, впоследствии и Нью-Йорк видели его в качестве социалиста-изгнанника, пострадавшего от царского правительства, беглого из Сибири. Имя его сделалось известно повсюду в эмиграции.

В социализме он занял зыбкую позицию. Большевиком стал поздно, чем его не раз упрекали впоследствии правоверные боль-

шевики-ленинисты. Даже и в позднее время, когда Троцкий, стоя во главе оппозиции, начал ораторствовать и агитировать за реакцию к чистому безуступочному ленинизму, сталинианцы неоднократно осаживали его вопросом:

— Ты-то давно ли сделался ленинистом? Где и с кем ты был, когда Ильич строил план революционной кампании?

Раньше с теми же попреками обрушивался на него Зиновьев, нынешний его союзник по «оппозиции».

В большевизм Троцкого вдвинул Циммервальд. В те дни Троцкий существовал журнальным сотрудничеством. Способности к тому он имел бесспорно, однако главной из них была в нем, увы, циническая бесцеремонность в обращении с истиной и совестью печатного слова. Он был французским корреспондентом «Киевской мысли», достигшей в эпоху войны зенитного успеха и распространения чуть не в полмиллиона тиража. Свои статьи Троцкий подписывал псевдонимом «Антидото». Как сотрудник «Киевской мысли» и близкий друг семьи ее издателя, я знал, что «Антидото» — некто Троцкий, но журналистов Троцких было тогда несколько в печати (обычный псевдоним евреев, уроженцев местечка Троки), так что открытие со временем, что Троцкий — «Антидото» «Киевской мысли» есть Лев Троцкий-Бронштейн, озадачило меня весьма.

Потому что заграничный Троцкий-Бронштейн был тогда уже одним из усерднейших «ангелов сатаны» и соревновал Раковскому в пропаганде циммервальдизма, пораженчества, антимилицаризма. Издавал в этом направлении очень крикливый, но очень плохой журнал, носился с проповедями революционного разложения в обществе, проникал с ними в армейские части и наконец, по совокупности всего того, был выпровожден французским правительством за испанскую границу. Между тем Антидото «Киевской мысли» писал статьи если не совершенно патриотического духа (газета была либерально-оппозиционная), то, во всяком случае, далекая от пораженства⁷. Если бы теперь перепечатать параллельно тогдашние статьи Троцкого заграничного и Троцкого-Антидото, получилась бы дикая картина цинических противоречий, едва ли когда-либо бывавшая в журналистике.

Эта бессовестная зыбкость и приспособляемость к требуемым условиям места и времени сделали Троцкого, как скоро он окончательно пристал к большевизму, главной динамической силой

партии. Думаю, что социальная сторона движения никогда несколько не интересовала его. Поздний приход его к большевизму — результат долгого колебания в выборе линии. Он примкнул к Ленину потому, что, во-первых, видел, насколько это безопасно при жалкой слабости Временного правительства; а во-вторых, трагикомические усилия сего последнего спасти войну, им же самим разрушенную в сентиментализме февральской революции, ясно указывали, что на улице пораженцев настанет праздник.

Насколько двусмысленно держался Троцкий еще летом 1917 года, показывает известный анекдот: когда Временное правительство собралось было наконец с духом положить предел бунтарству Ленина с компанией, то полиция, явившаяся арестовать Троцкого, застала у него неожиданным гостем... Керенского, который с негодованием разорвал приказ об аресте и отправил полицейских восвояси. Так ли это было, нет ли, уже один факт, что этому твердо верили в социалистических кругах, являет, как мало связывалось с именем Троцкого представление о партийной определенности, о твердых фракционных перегородках.

Октябрьский переворот, проведенный, главным образом, Троцким, и Брест-Литовский мир сделали Льва Бронштейна вторым лицом в новорожденном советском государстве.

В отличие от других вождей большевизма (немногочисленные искренние фанатики не в счет), Троцкий, сколько мне известно, никогда не играл на лицемерии коммунистического псевдо-аскетизма, а, напротив, став у власти, начал откровенно пользоваться всеми ее благами без малейшего стеснения. Разъезды Троцкого по РСФСР, как тогда стала называться обезображенная большевиками Россия, совершались с царскою пышностью и с царскими предосторожностями. Пускались в тягу три поезда, и никто, кроме доверенных чекистов, не знал, в котором из трех едет глава военных сил красной республики. Предосторожности эти, однако, не помешали прокатиться на одном из таких поездов, под видом кочегара... Борису Савинкову, в то время как ЧК сбilo с ног всю свою агентуру на поисках его — к стенке и расстрелу!

3

Троцкий прославлен как «человек темперамента», способный на «внезапности». В действительности, он рассудочно умен и осто-

рожен. Пылкость его актерская, притворная. Внезапность — надуманная. Он не чужд «исторического честолюбия» и не прочь застраховать себе если не доброе словечко у будущих историков революции, то все-таки лучшее, чем дождетя большинство двуногих существ, ее творивших. Вся дальнейшая политическая деятельность Троцкого была теснейше связана с организмом Че-Ка и даже основывалась на нем. Однако он очень берегся, чтобы самому не окровавиться в этой постыдной близости, наподобие Дзержинского, Менжинского, Петерса, Уншлхита и пр. Роли Марата и Робеспьера его не прельщали, — он предпочел взять на себя роль нового Лазаря Карно⁸. Никогда не бывав военным, Троцкий берется за «организацию советской победы», — за воссоздание под красным знаменем армии, разрушенной маргариновым сентиментализмом Керенского и добитой до конца большевицким развратом.

Троцкий принадлежит к числу талантов, поздно находящих свое призвание. Мелкий авантюрист-неудачник, недоброкачественный студент, поверхностный интеллигент, посредственный журналист, он бесполезно и даже позорно метался в мирном профессионализме, тогда как оказалось, рожден он был для военной карьеры. Правда, при царизме эта дорога была закрыта для него как еврея. Но, я думаю, четверть века тому назад юноша Лев Бронштейн и сам рассмеялся бы, если бы какой-нибудь колдун предсказал ему, что однажды он будет генералиссимусом некоей миллионной армии. И рассмеялся, может быть, не только недоверчивым смехом, но и презрительным, так как военная карьера у тогдашней русско-еврейской интеллигентной молодежи была в большом пренебрежении.

Однако такова игра судьбы: революция определила и вознесла Троцкого как талант военно-административный по преимуществу.

Говорят, будто никогда не смеявшийся Гинденбург расхохотался однажды в жизни: когда узнал, что Керенский назначил себя главнокомандующим.

Как известно, Гинденбург смеялся недаром: такое вышло командование, что и нам было бы смешно, когда бы не было уже чересчур грустно. Троцкий, который умел терпеть, когда генерал Гофман в Брест-Литовске стучал на него кулаком по столу, когда матросы на смотре испытывали его выдержку, вопя ему в лицо антисемитские песни и т. п., едва ли дал бы повод к смеху. Пол-

ководцем он не бывал, сражений не выигрывал, Польскую войну провалил, в Гражданской войне красные войска успевали лишь постольку, поскольку дезорганизованы были случайно собранные Белые армии под командою несогласных между собой генералов или брали подавляющею численностью. Словом, ни в Суворовы, ни в Наполеоны Троцкий не годится, да кажется, и достаточно умен, чтобы не предъявлять подобных претензий.

Но он лучше, чем кто-либо из властных большевиков, понял, что СССР может существовать только в состоянии «перманентно-революционного» напряжения, т. е. постоянно *in statu belli*⁹, под угрозой или угрожая, кипя борьбою внутреннею и внешнею. Он понял, что устойчивое коммунистическое государство, на революционных подпорках, — утопический вздор. Но власть над коммунистической революцией отнюдь не вздорное прельщение, а весьма крупная и соблазнительная реальная задача, способная увлекать честолюбие не только героических сверхчеловеков Наполеонова типа, но и целых групп наполеончиков, явных и тайных, так сказать, коллективных, которые в годы революций плодятся во множестве.

Троцкий понял, что в СССР нет и не может быть иной опорной силы, другого действенного авторитета, кроме штыков. А так как никакого нового орудия для воссоздания штыковых сил и авторитета в коммунизированном государстве он не видел, то смело прибег к «наследию кровавого режима». Задолго до того, как Ленин провозгласил свой Нэп промышленно-коммерческий, Троцкий обратился к политике Нэпа военного — и с гораздо большею решительностью.

Гражданскую войну выиграли у Деникина, взяли Перекоп и вытеснили Врангеля из Крыма не пролетарские массы, а бывшие царские офицеры и генералы, которых Троцкий частью купил, частью улестил, частью силою заставил стать во главе пролетарских сил и внести в их хаос свою дисциплину, свое знание, свою боевую практику.

Покорившийся красной звезде «военспец» сразу превращается из вчерашнего парии в привилегированное как будто лицо. Ему дают прекрасную квартиру, пайки, средства к жизни, если угодно, даже к роскоши. Но под предлогом канцелярии или штаба окружают его шпионами-коммунистами, с наказом не выпускать его из поля зрения не только в служебных отношениях, но и в семейном быту — до интимнейших подробностей.

Троцкий обуздал одну из величайших и наиболее разрушительных глупостей Временного правительства: полномочное главенство над «военспецами» гражданских комиссаров, собезьяненных *commissaries civils* (*sivils*, как острила армия) Французской революции. Он понял, что это значит заставлять командира командовать со связанными руками и ногами. Лучший психолог, чем Керенский, он уразумел качество военной души, ускользнувшее от штатских глаз Временного правительства. А именно: что военные по призванию, т. е. лучшие из военных, страстно любят свою службу, независимо от ее политического назначения; что они органически срастаются со своими командными частями; что они высоко ценят однажды данную присягу и — «не давши слова, крепись, а давши, держись» — раз присягнув, служат добросовестно по чувству служебного долга, хотя бы наперекор личным воззрениям и симпатиям.

Развязав «военспецам» руки для действенности в сфере их профессии, Троцкий связал их политическим шпионажем большевицкого «окружения» во всем остальном существе. Военспец — «узник на воле», ответственно обязанный каждым шагом своей частной жизни согласоваться с новым кодексом морали и быта.

Живя именно в таких условиях, военспец, конечно, отчетливо сознает, что каждая его попытка к служебному саботажу, не говоря уже о дезертирстве или измене, поведет к мучительной гибели — добро бы уж только его самого, а то — жены, детей, родителей, родных, друзей.

Рабство!.. И это рабство командных сил изобрел и установил Лев Давидович Троцкий, и на нем созидал он советскую Красную армию, и на армии — свою популярность.

4

Огромная популярность Троцкого вышла далеко за большевицкие пределы. Лестно или нелестно, — другой вопрос, но имя его стало европейским. Что же касается еврейства, оно, в известной части своей, гордится Троцким, хотя мессианическая роль отнюдь не прельщает практичного *catulum leonis*¹⁰. Он определенно враждебен сионизму. А когда депутация еврейского духовенства в Москве, с раввином Мазе во главе (молва прибавляет: и с отцом Троцкого в составе), обратилась к нему с просьбою унять боль-

шевицкие бесчинства, распространяющиеся в антирелигиозном фанатизме также и на синагоги, Троцкий холодно возразил, что его не касается: по религиозным убеждениям он атеист, а национальности, будучи коммунистом, не имеет и евреем себя не считает¹¹.

На компромиссе уклонения от еврейства Троцкий умел поладить с офицерами высшего красного командования, изменниками белого движения. И, что еще более удивительно, заставить солдатскую массу, глубоко антисемитскую, по существу, забыть в своем главнокомандующем «жида». Дошел он к тому через не малое «цуканье». Не моргнув бровью, выслушивал, как на смотре гвардейский экипаж, маршируя Дворцовой площадью, орал, с хохотом глядя в лицо своему «главковерху», погромную песню:

Родился ты евреем, — ха-ха!
Тебя не пожалеем, — ха-ха!..¹²

Вероятно, вдохновлялся примером Юлия Цезаря. Тот ведь тоже равнодушно слушал, как его победоносные легионы распевали о нем похабные пасквили...

Терпел, терпел и вытерпел «знак отличия»: «краса и гордость русской революции» (его же выражение о балтийской матросне) торжественно признала:

— Хоша и жид, а молодчага!

Быстрое возрастание популярности Троцкого во главе Красной армии показалось советской власти опасною угрозой «бонапартизма». Его сместили (не без труда, с политическим заболеванием и путешествием на Кавказ для поправления здоровья). С отходом Троцкого от комиссариата военных дел популярность его быстро пошла на убыль. В хозяйственном управлении он не ознаменовал себя решительно ничем примечательным и был явно не на месте.

Теперь к нему привлечено общее внимание его главенством в «оппозиции». Роль его в этом новом фазисе деятельности подлечит особому детальному рассмотрению. В общем же можно сказать, что, как ни громко шумна борьба «правительства» СССР с «оппозицией», она является чисто внутренним вопросом коммунистической партии. Победа той или другой стороны ни мало не разрешит общего русского вопроса. Иностранцы, привычные видеть в своих странах, как борьба встречных политических течений символизируется и решается борьбою политических личностей, следят за столкновением Троцкого и Сталина едва ли не с боль-

шим интересом, чем мы, русские. Ибо для нас-то, опытных, дело сводится к тому, что, как говорит Иван Федорович Карамазов:

— Гад жрет другую гадину.

Во всяком случае, ожесточенная распря между советским правительством и оппозицией являет утешительное свидетельство того, что верное средство коммунистического воздействия — отравление враждебных рядов эпидемией политического разложения — обратилось теперь на собственные ряды коммуны. В них не стало уже и тени той железной дисциплины, превосходством которой они в 1917 году взяли верх над дезорганизованной Россией. И если владычество большевиков есть царство Сатаны, то приблизился к сатанинскому царству тот роковой момент, о котором некогда вопрошал Иисус Христос:

— «Аще же и сатана сам в себе разделися, како станет царство его?»

